

**Чингиз
АБДУЛЛАЕВ**

*Покушение на власть
Объект власти*

Дронго

Чингиз Абдуллаев

**Покушение на власть:
Объект власти**

«PEN-клуб»

2005

Абдуллаев Ч. А.

Покушение на власть: Объект власти / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2005 — (Дронго)

Дело о покушении на Президента России далеко еще не закончено, и специальный агент Дронго, сумевший предотвратить это преступление буквально в последний момент, снова вступает в рискованную игру. Потому что по-прежнему живы и по-прежнему скрываются от закона таинственные заказчики покушения, и по-прежнему ведет охоту исполнитель – гениальный киллер, не смирившийся с провалом. Однако теперь Дронго совершенно уверен – в высших коридорах власти есть предатель, информирующий убийцу о каждом шаге спецслужб. Кто он? Если Дронго не узнает этого, гибель Президента невозможно будет предотвратить!

Чингиз Абдуллаев

Объект власти

БЕЛЬГИЯ. БРЮССЕЛЬ. 3 МАРТА, ЧЕТВЕРГ

Два автомобиля подъехали почти одновременно. В первом, «Мерседесе» ослепительно-белого цвета, находилось двое мужчин. Во втором, черном «Ауди», – еще двое. Все четверо молча вышли на тротуар. На этой тихой улочке, расположенной на юго-западе столицы Бельгии, было мало машин и не очень много прохожих.

Мужчина, до этого наблюдавший из подъезда соседнего дома за входной дверью в небольшой двухэтажный особняк, поспешил к прибывшим.

– Они все вместе, – коротко сообщил он по-русски.

Один из приехавших, человек в несколько старомодной шляпе и длинном плаще, задумчиво посмотрел на старинный особняк и кивнул трем остальным, которые неторопливо направились к его двери. Затем достал из кармана пачку сигарет. Наблюдавший за домом мужчина остался стоять рядом с ним. Он услужливо достал зажигалку, чиркнул ею и поднес к сигарете, которую пожелавший закурить не спеша вытащил из пачки.

Трое мужчин подошли к дому, один из них позвонил и что-то сказал по-фламандски в домофон. Дверь автоматически открылась, и все трое быстро проскользнули внутрь. Оставшийся на улице их руководитель прикурил сигарету, не спуская глаз с особняка. Стоящий рядом с ним мужчина беспокойно оглядывался по сторонам.

На улице не было слышно никаких звуков. Мужчина в плаще молча курил, глядя на дом. На его лице не дрогнул ни один мускул, даже когда неожиданно неподалеку раздался смех двух женщин. А стоящий рядом беспокойно дернулся и обернулся. Но женщины быстро прошли мимо, громко и весело обсуждая свои проблемы, после чего на улице вновь стало тихо.

Наконец послышался какой-то непонятный стук... Или удар от упавшего предмета. Курящий вынул сигарету изо рта и оглянулся по сторонам в поисках урны. Он не хотел бросать окурочек на тротуар.

– Давайте, – с готовностью предложил второй мужчина, протягивая ладонь, – отнесу в мусорный бак на углу.

– Не нужно, – человек в плаще потушил сигарету и, достав из кармана полупустой коробок спичек, засунул окурочек в него.

В этот момент послышался треск, словно в особняке что-то ломали. Он был приглушенным, но отчетливо различимым. Прошло еще несколько минут. Наконец из дома вышли все трое мужчин. Двое были спокойны, третий все время озирался, словно опасался преследования. В руках у всех троих были чем-то наполненные пластиковые пакеты.

– Все, – сообщил один из них, когда они подошли к машинам.

– Сколько их там было? – поинтересовался руководитель.

– Четверо. Двое мужчин и две женщины.

– Бумаги?

– Забрали.

– Компьютеры?

– Диски у нас, жесткие диски уничтожили.

Мужчина, спрятавший окурочек, повернулся, прошел к «Мерседесу» и уселся. Тот, с кем он только что говорил, устроился за рулем. Остальные трое быстро разместились в «Ауди», которая тут же развернулась и поехала в другую сторону. Сидящие в «Мерседесе» подождали, пока

отъедет «Ауди», затем тоже развернулись и отправились за ней, соблюдая некоторую дистанцию.

– Вы все сделали правильно? – спросил пассажир «Мерседеса» в плаще.

– Да, Андрей Михайлович. Четыре контрольных выстрела в голову. Собрали все дискеты, которые там были, и бумаги из кабинета Дзевоньского. Через десять минут там все сгорит. Мы установили таймеры в нескольких местах. Все нормально, можете не беспокоиться.

Андрей Михайлович достал сотовый аппарат, набрал номер и коротко кому-то сообщил:

– Все в порядке.

Отключив телефон, вытащил сим-карту, выбросил ее в окно и приказал водителю:

– Быстрее, я должен успеть на поезд.

РОССИЯ. МОСКВА. 4 МАРТА, ПЯТНИЦА

Это не была тюрьма в обычном ее понимании. Даже «Матросская тишина» не охранялась так серьезно, как этот невысокий трехэтажный корпус без окон, вокруг которого постоянно расхаживали охранники. Внутри здания, где под камеры были оборудованы четыре комнаты, также дежурили несколько человек. Обычно здесь содержались задержанные, о существовании которых не должны были знать ни официальные власти, ни правоохранительные органы, и вообще никто. Это была особая тюрьма бывшего Первого Главного Управления КГБ СССР, о существовании которой не подозревали даже бывшие ответственные сотрудники Комитета Государственной Безопасности. Сюда помещали задержанных исключительно с санкции руководителя ПГУ или распоряжения самого председателя КГБ. Попавшие в нее люди порой исчезали бесследно. Никто и никогда не мог увидеть ни документов, по которым оформлялось их задержание, ни внутренних инструкций по их содержанию.

Генерал Дзевоньский, задержанный три дня назад, был помещен именно в эту внутреннюю тюрьму бывшего ПГУ. Но он не был здесь единственным узником. В соседней камере находился его помощник Карл Гельван, а в двух других – еще четверо его сотрудников. Двоих из них взяли на даче, где они охраняли Дзевоньского, а остальных вычислили, когда они начали беспрерывно звонить по всем телефонам, пытаясь установить, куда подевался их руководитель.

На шестерых задержанных здесь было около двадцати охранников, сменявшихся через сутки. Побег отсюда считался абсолютно невыполнимым. В этой внутренней тюрьме, оборудованной еще в начале семидесятых, были созданы все условия для «успешных допросов». Некоторые офицеры, слышавшие о существовании этого здания, иногда рассказывали друг другу, что там проверяли всех нелегалов, вернувшихся с Запада, на предмет их перевербовки. Говорили, что специальная аппаратура исключает всякую возможность утаить малейшую информацию или исказить истину. С тех пор здесь проверяли сотрудников КГБ только в исключительных случаях. Но за тридцать с лишним лет технический прогресс и бурное развитие фармакологии сделали процедуру постижения истины более простой и удобной для всех – и для следователей, и для задержанных. Теперь стало невозможно скрыть истину или солгать. И это понимали обе стороны, что значительно упрощало саму процедуру «общения».

В этом здании нельзя было появляться посторонним, и поэтому генерал Машков не имел права разрешить Дронго побывать здесь, даже учитывая его исключительные заслуги в розыске и задержании Дзевоньского. Сам Машков получил разрешение на его допросы от руководства Службы Внешней Разведки – СВР. Кроме него в здании могли появиться только три человека из руководящей группы их совместной комиссии – генерал Полухин и полковник Нащекина из СВР и генерал Богемский из Федеральной службы охраны – ФСО.

Этим утром Машков приехал на допрос в плохом настроении. Ему сообщили, что все задержанные уже позавтракали, и он приказал привести к нему генерала Дзевоньского. За три дня Дзевоньский сильно изменился: осунулся, постарел, потускнел. Его переделали в другую

одежду, выдали специальные тапочки, и теперь он выглядел не столь эффектно, как раньше. К тому же интенсивные допросы двух последних дней сказались и на здоровье бывшего генерала.

Он вошел в комнату и позволил двум техникам-операторам прикрепить аппаратуру к его телу. Сначала прикреплялись датчики брюшного и грудного дыхания. Затем – датчики двигательной активности, потоотделения, пульса. Глядя на все эти манипуляции, Дзевоньский невесело усмехнулся:

– Опять будете применять ваш наркотик?

– От него вам не станет плохо, – мрачно пообещал Машков.

Один из сотрудников вошел в комнату и вопросительно взглянул на него. Генерал кивнул в знак согласия. Дзевоньский протянул руку, и офицер осторожно ввел ему лекарство в вену.

– Я начинаю забывать, о чем говорю на ваших допросах, – сказал Дзевоньский, – вы применяете слишком сильные психотропные средства. Скажите, чтобы они немного сбавили дозу. Я могу стать идиотом.

– Не станете, – буркнул Машков, – мы с вами еще долго будем общаться. Вы знали, на что шли.

Теперь нужно было подождать несколько минут. Дзевоньский закрыл глаза, ничего не ответив. Машков тоже молчал. Сотрудники прошли к аппаратуре, уселись перед мониторами.

Один из них негромко спросил генерала:

– Где вопросы?

Обычно вопросы заранее формулировали психологи и аналитики центра. Машков покачал головой:

– На этот раз я буду сам задавать вопросы.

– Что-нибудь случилось? – спросил, не открывая глаз, Дзевоньский.

– Почему вы так решили?

– Обычно вы приезжаете чуть позже. А сегодня приехали рано и явно торопитесь. К тому же собираетесь лично меня допрашивать. Раньше вопросы сочиняли ваши сотрудники.

– Случилось, – признал Машков. – Похоже, что мы недооценили возможности ваших «заказчиков».

Дзевоньский открыл глаза:

– Что произошло?

– Ваш офис в Брюсселе. В субботу мы собирались направить туда своих людей, готовили специальную группу. Не так-то просто их перебросить. Хотели проверить ваш офис, когда там останется только дежурный. В отличие от обычных наемников мы не можем действовать как заблагорассудится...

– Их убили? – перебил генерала Дзевоньский.

– Да.

– Всех?

– Да.

– Всех пятерых?

– Там было четверо. Двое мужчин и две женщины. Их фамилии есть в сегодняшних газетах. Сначала убили, а потом сожгли ваш офис.

– Среди женщин не было Бачиньской?

– Нет. Такой фамилии нет. Кто это?

– Близкий мне человек, – Дзевоньский тяжело вздохнул. – Слава богу, что хоть ее не достали. Она должна была вернуться в Бельгию на этой неделе. Ездила в США по нашим делам. У меня неприятный привкус металла во рту. Кажется, ваше лекарство начало действовать. Задавайте ваши вопросы, генерал.

– Ваше настоящее имя Тадеуш Марковский?

– Об этом вы меня уже спрашивали. Да.

- Вы были генералом польской разведки?
- Да.
- В последние годы вы действовали под фамилией Дзевоньского?
- Да.
- Под какой фамилией вы работали в нашей стране?
- Станислав Юндзилл.
- Под каким именем прибыл в нашу страну генерал Гейтлер?
- Под именем чешского гражданина Йозефа Шайнера. Можно мне выпить стакан воды?

Начала кружиться голова.

– Выпейте, – разрешил Машков. Он взял бутылку, наполнил водой пластмассовый стакан и протянул его допрашиваемому.

Дзевоньский осторожно поднял левую руку, чтобы не нарушить положение датчиков, прикрепленных к телу и к правой руке. На левой находился только один датчик пульса. Схватил стакан, залпом выпил воду.

- Сколько человек входило в состав вашей группы?
- В Москву со мной прибыли пятеро. Еще трое периодически сюда приезжали. Но для охраны дачи, которую мы снимали, были наняты еще пятеро охранников.
- Они в курсе ваших дел?
- Нет. Конечно нет.
- Вы приехали вместе с генералом Гейтлером?
- Нет.
- Как он прибыл в нашу страну?
- На поезде. Из Хельсинки. А потом на «Красной стреле» из Санкт-Петербурга в Москву.
- Гейтлер жил все время с вами?
- Нет. Иногда покидал дачу.
- Куда он уезжал?
- Никто не знает. Генерал легко отрывался от наблюдения и никогда не рассказывал, где оставался.
- Вы ничего не подозревали?
- Нет. Но он просил достать ему три российских паспорта. Два заполненных и один пустой. Мы ему достали. Номера и фамилии я вчера вам уже продиктовал.
- Вы помните, на какие вопросы отвечали вчера?
- Конечно. Ваши наркотики пока еще не превратили меня в идиота. Хотя все идет к тому. Я чистосердечно отвечаю на все ваши вопросы, но вы упрямо продолжаете пичкать меня этой гадостью. Мне может так понравиться говорить правду, что потом я никогда не смогу перестроиться...
- Вот видите, – усмехнулся Машков, – наше лекарство на вас почти не действует. Вы даже пытаетесь шутить.
- И тем не менее будет лучше, если вы перестанете колоть мне ваши наркотики. Я и так говорю все, что знаю. Гейтлер умный человек. Он неоднократно повторял, что единственная гарантия его безопасности – это полная конфиденциальность. Он даже предвидел, что вы можете использовать вашу фармакологию в своих целях.
- Где его можно найти?
- Не знаю.
- У него есть деньги?
- Да. И крупные суммы. Несколько миллионов евро он уже получил.
- Гейтлер может выйти на вашего заказчика без вас?
- Он знает номер телефона. Может, уже и вышел, но я не уверен.
- Как вы считаете, он может сбежать?

– Нет. Не сбежит.

– Почему?

– Профессиональная гордость. К тому же он знал, что мы следили за его дочерью и внуками.

– А если мы гарантируем им безопасность?

– Все равно. Он настоящий профессионал. Взять деньги и сбежать как обычный мошенник? Это не для него. Кроме того, Гейтлер очень обижен на Москву из-за вашего предательства его страны в восемьдесят девятом. Он тогда все потерял. Но вот у него появился такой уникальный шанс напомнить о себе. И обо всех своих бывших товарищах. Нет, он не сбежит.

– А если мы, наоборот, возьмем в заложники его семью?

– Все равно не сбежит. Он умный человек, понимает, что вы с ними ничего не сделаете. Вы же связаны негласными правилами, которые вынуждены соблюдать. А если ваши спецслужбы попытаются похитить трех граждан Германии, то это выльется в огромный скандал. Гейтлер хорошо все себе представляет.

– Где он может жить?

– Не имею представления.

– У него могут быть сообщники в Москве?

– Не знаю. – Дзевоньский закрыл глаза, потом снова их открыл. – Такое ощущение, будто я всю ночь держал за щекой железку. Вы можете дать мне еще немного воды? Или жажда является составной частью вашей пытки?

Машков налил ему еще стакан воды, который Дзевоньский также залпом осушил, снова осторожно подняв левую руку.

– Спасибо, – поблагодарил он.

– Как ваши заказчики вышли на вас? – задал следующий вопрос Машков.

– Позвонили и приехали. Ничего необычного. Номер нашего телефона был в справочнике.

– Кто приехал?

– Один человек. Я думаю, русский. Назвался Андреем Михайловичем. По-моему, бывший сотрудник спецслужб. Или дипломат. Он сразу заявил, что любые деньги для него не проблема. И поставил задачу.

– И вы согласились?

– Конечно. По-моему, он заранее знал, что я соглашусь.

– Он не сказал, кто дает ему деньги?

– Нет.

– И вы не спрашивали?

– Зачем мне терять такой заказ? После выполнения этого дела я мог бы уйти на пенсию.

– Сколько людей работают на вас в Европе?

– Человек сорок пять. Среди них есть исполнители и осведомители. Полный список я вам уже составлял.

– Кто такая Бачиньская?

– Мой близкий друг. Олеся Бачиньская. Она считалась кем-то вроде моего личного пресс-секретаря. Если сможете ее найти, передайте, чтобы она не возвращалась в Брюссель. Там ее обязательно найдут и убьют. Она видела Андрея Михайловича.

– Откуда и как к вам поступали деньги?

– Частично привозили наличными, частично присылали из Цюриха обычными переводами, так же – из Нью-Йорка, из «Сити-банка».

– Как можно вычислить Гейтлера?

– Вас все время интересует этот вопрос. Я не знаю.

– Как вы считаете, кто стоит за вашим заказчиком?

– А вы не знаете? – устало вздохнул Дзевоньский.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Думаю, достаточно состоятельные и влиятельные люди. Для которых, с одной стороны, сто миллионов долларов не деньги. А с другой – им очень мешает ваша нынешняя власть. Я не знаю имен, но думаю, что их всегда можно вычислить. Не у каждого человека есть лишние сто миллионов долларов на убийство президента такой страны. И не каждый решится на такое.

– Как найти Гельмута Гейтлера?

– Искать повсюду. Он может находиться в соседней комнате. Или слушать нас, устроившись где-то рядом. Мне иногда становилось страшно в его присутствии.

– Кроме вашего головного офиса в Брюсселе, где у вас еще были представители?

– В Варшаве и в Нью-Йорке. Телефоны и адреса я вам уже дал. Но эти люди не имеют к нашему делу никакого отношения. И я думаю, что их не будут убивать. Они не знали о моем визите к вам. Хотя нет. В Варшаве знали, но без подробностей.

– Как найти Бачиньскую?

– Ее тетка живет в Чикаго. Там большая польская община. Можно найти через нее. Телефон я помню...

– Назовите, – потребовал Машков.

Дзевоньский пробормотал номер телефона. Машков удовлетворенно кивнул.

– Судя по всему, память у вас работает превосходно. И наше лекарство никак не превращает вас в дебила. По-моему, наоборот, освежает вашу память.

– Это временная эйфория, – предположил Дзевоньский, – а потом может наступить спад.

– Не наступит. У вас были знакомые в Москве?

– Да. Я приезжал к вам раз десять. Список я составил еще в первый день. Но если вы думаете, что я мог попросить помощи у кого-то из бывших знакомых советских офицеров, то ошибаетесь. Я понимал, что этого нельзя делать ни при каких обстоятельствах.

– Как вы связывались с Андреем Михайловичем?

– У нас было два телефона, на номера которых он мог звонить. Он сам выходил со мной на связь.

– Почему вы обратились к Уорду Хеккету?

– Это самый крупный негодяй в Европе, – пояснил Дзевоньский, – раньше он никогда не отказывался от подобных дел. Но на сей раз почему-то испугался. Наверное, побоялся ваших спецслужб. Я думаю, он допустил ошибку. Поэтому и погиб.

– Ваши люди не смогли его убить, – сообщил Машков.

– Знаю, – отозвался Дзевоньский, – мы устроили взрыв в его офисе, но он остался жив. Пришлось исправлять нашу ошибку, отправив к нему в больницу нужных людей.

– Вы ошиблись и во второй раз, – поведаль Машков. – Он обманул ваших людей, подставив вместо себя другого человека. И остался жив...

Дзевоньский в очередной раз закрыл глаза. Затем открыл их, устало посмотрел на Машкова:

– Он вам все сообщил? Нет, этого не могло быть. Вы бы ему не поверили. И он знал, что ему нельзя выходить на прямой контакт с вами... – Дзевоньский качнулся.

Машков с интересом наблюдал за ним.

– Ваш эксперт, – неожиданно проговорил Дзевоньский безо всяких эмоций. – Они должны быть знакомы. Хеккет вышел на Дронго. Вот почему здесь появился этот эксперт...

Машков не ответил.

– Единственная ошибка в моей жизни, – заявил Дзевоньский. – Такого негодяя нужно было убрать самому. Есть прекрасная английская пословица: «Хочешь сделать дело хорошо, сделай его сам», – пословицу он произнес на английском.

– Что будет делать Гейтлер? – спросил Машков.

– Убивать, – меланхолично ответил Дзевоньский. – И в отличие от меня он не совершит такой ошибки, как я с Хеккетом. Поэтому вычислить его будет невозможно. Вам остается лишь гадать, где и когда он нанесет свой удар.

РОССИЯ. МОСКВА. 4 МАРТА, ПЯТНИЦА

Когда вечером раздался телефонный звонок, Дронго не удивился. Он даже ждал этого звонка, справедливо полагая, что после ареста Дзевоньского с ним захотят встретиться. Правда, несколько дней, очевидно, ушли на интенсивные допросы задержанных. Дронго понимал, что Дзевоньского и его подельников будут содержать в особом месте, о существовании которого ему даже не сообщат. И поэтому терпеливо ждал, когда наконец ему позвонит Виктор Машков. Он полагал, что это произойдет еще через несколько дней, но Машков позвонил сегодня. И приехал к нему домой в восьмом часу вечера.

Уже по внешнему виду генерала можно было догадаться, что произошло нечто особенное. Машков снял плащ и, пройдя на кухню, мрачно опустился на стул. Дронго сел напротив, с любопытством уставившись на гостя.

– Когда ты появляешься у меня дома с таким лицом, я начинаю думать, что ты получил очередной приказ о моей «ликвидации», – пошутил он.

– Дурацкая шутка, – устало отмахнулся Машков. – Тебя никто и никогда не хотел убивать. Но есть государственные секреты, которые нельзя доверять даже самым гениальным экспертам. Не обижайся, ты должен нас понять.

– Я понимал вас так хорошо, что даже эмигрировал из России, – в сердцах отозвался Дронго. – В следующий раз вы, видимо, решите, что я должен покинуть этот земной шарик и отправиться в качестве добровольца-испытателя на Марс. Что опять случилось? Почему у тебя такой похоронный вид? Я думал, ты получишь как минимум «Героя» за столь успешную работу твоей комиссии.

– Мы честно написали, что в ней есть и твоя исключительная заслуга, – сообщил Машков. – Никому и в голову не пришло бы искать в рекламных газетных статьях угрозу для жизни президента.

– И ты пришел для того, чтобы сообщить мне эту приятную новость?

– Нет. Мы уже три дня интенсивно допрашиваем Дзевоньского, Гельвана и их людей. Применяя специальные методы допроса. Ничего ужасного, только детекторы и немного витаминов. Но они говорят правду, соврать невозможно, даже при всем желании.

– Не сомневаюсь в успехах российской медицины. Или не только российской?

– Какая разница? Важен результат, которого мы добились. Мы планировали провести силами наших сотрудников проверку центрального офиса Дзевоньского в Брюсселе. Собирались это сделать в субботу, когда там останется только дежурный охранник. Но нас опередили.

Дронго вопросительно глянул на Машкова.

– Да, – подтвердил тот, верно оценив его взгляд. – В Брюссель прибыла неизвестная нам группа киллеров. И в офисе не осталось ни людей, ни самых важных документов. Налет был неожиданным. Всех, кто там находился, убрали. А офис сожгли. Полиция приехала слишком поздно.

– Когда это произошло?

– Вчера утром, – Машков следил за реакцией Дронго.

Тот нахмурился, поднялся со своего места, потер подбородок. У него был мощный череп, выпуклый лоб. Высокого роста, ширококостный, с хорошо развитой мускулатурой, Дронго скорее походил на бывшего спортсмена или боксера, чем на эксперта. Но внешнее впечатление часто обманчиво, и Машков это хорошо знал.

– Почему молчишь? – невесело спросил он.

– Думаю, – Дронго прошелся по кухне, вернулся на свое место. – Так не бывает, – заявил он, глядя на своего собеседника.

– Поэтому я и приехал, – подвел итог генерал Машков.

Потом оба долго молчали. Минуту. И еще пятнадцать секунд. Наконец Дронго нарушил эту гнетущую тишину.

– Дзевоньского взяли первого марта. Остальных тоже. Курьловича, Гельвана – всех. А уже третьего утром кто-то является в офис Дзевоньского и убирает всех его сотрудников. Моментальная реакция. Они сумели собрать группу киллеров за один день? И подготовить нападение на офис? Почти невероятно.

– Я сегодня весь день допрашивал Дзевоньского, – сообщил Машков, – а наши аналитики пытались определить степень столь быстро проявившейся реакции. Даже мы, рассчитывая все сделать как можно быстрее, планировали собрать людей и послать их только в субботу. Как же им удалось так молниеносно сообщить об этом в Брюссель?

– Может, им позвонил Гейтлер? Вы не учитываете такой возможности?

– Учитываем. Даже если он сумел все сразу просчитать и позвонить, то сделал это лишь первого марта. Значит, на сбор группы и подготовку нападения у них был только один день. Нам понадобилось три, а они успели за один. Поразительная реакция! Как будто все были наготове, сидели и ждали. На самом деле у них был только этот день, ведь Гейтлер уехал с дачи первого марта. А о случившемся он мог узнать лишь вечером того дня. Мы начали допросы Дзевоньского ночью с первого на второе. Но уже третьего утром они были в его офисе...

– Что говорит сам Дзевоньский?

– Он не может понять, что происходит. Представителем «заказчика» выступал какой-то Андрей Михайлович, которого сам Дзевоньский считает бывшим офицером спецслужб. Мы составили его фоторобот, но более никаких следов.

– Остальных допрашивали?

– Да. Они даже рассказали о том, как похитили и убили сотрудницу фирмы Гельвана – Ксению Костину. Сейчас мы пытаемся найти ее тело. Но никто из них не сообщал в Брюссель о событиях в Москве. Тем более что никто и не знал о существовании Андрея Михайловича.

– Какой вывод?

– Плохой. Очень плохой. Тот, кто нас опередил, заранее знал о возможном провале. И был готов действовать. В благополучной Европе держать группу киллеров в одном городе почти невозможно. Значит, их нужно было собрать, доставить из разных мест. Кроме того, продумать план нападения, проследить за офисом. Нападающих понадобилось бы четверо или пятеро. Может, даже больше. Если они не дилетанты, то должны были сначала проследить за этим зданием, вычислить, сколько там людей, проверить охрану, возможность случайного появления полиции или посторонних людей. И все за один день?

– Понимаю. – С каждым словом генерала у Дронго все больше и больше портилось настроение. Он уже догадался, какой вывод может сделать его собеседник.

– О нашей работе не знал никто, – подошел к главному Машков. – Ни один человек. Секретность была абсолютной. Даже сотрудники ФСБ и МВД, которые следили за перемещениями подозреваемых, не знали об истинных масштабах нашей работы. Ни один человек. Только члены нашей комиссии и ты.

– И поэтому я главный подозреваемый? – в упор спросил Дронго.

– Не знаю. Я пытаюсь понять, как это могло произойти, но пока не в состоянии этого сделать. Могу тебе только сказать, что я думаю. Конечно, это не ты. Но тогда почему такая мгновенная реакция? Как ты можешь это объяснить? И как я должен это понимать?

Дронго молчал. Смотрел в глаза сидящему напротив гостю и молчал.

– Ты сам напросился на работу в комиссию, – безжалостно продолжил Машков, – ты первым позвонил мне. Непонятно как вычислил всю эту группу. Сдал нам Дзевоньского и компа-

нию. Но главный подозреваемый ушел совершенно необъяснимым образом. Словно его кто-то предупредил или он заранее обо всем знал. А что, если кто-то еще более умный и предусмотрительный решил, что Дзевоньского и его людей можно сдать как отработанный материал, чтобы переключить все внимание нашей комиссии на эту группу, в то время как исчезнувший Гейтлер проведет свой террористический акт?.. – Машков замаялся.

– Договаривай, – потребовал Дронго.

– Если они купили Гейтлера, то почему не могли нанять еще одного очень умного и знающего эксперта? – нанес свой самый жестокий удар генерал. – Извини, что я вынужден так говорить.

– Ничего, ничего. Я уже привык к вашим оскорблениям. Правда, мне казалось, что ты все правильно понимаешь.

– Я передал тебе вывод наших аналитиков. Кроме тебя, никто не знал о нашей операции. Может, ты случайно кому-то проговорился?

– Ты повторяешься, – заметил Дронго. – Сначала была трагедия, а сейчас – фарс. Неужели ты действительно считаешь, что они могли меня купить? Интересно, за какие деньги? И я провел такую хитроумную операцию, не понимая, что стану главным подозреваемым?

– Не считаю, – ответил Машков, – поэтому приехал к тебе. Завтра у нас будет сеанс допроса. Ты должен присутствовать.

– Кого будут допрашивать?

– Тебя.

– Примените ко мне ваши методы?

– Да.

– Я могу отказаться?

– Нет.

– Я буду помнить об этом допросе?

– Думаю, да. Мы не применим лишних психотропных средств. Нам важно выявить степень твоей невиновности.

– Или виновности, – добавил Дронго. – Будете меня потрошить, как рыбу, выжимая все сведения из моего мозга.

– Это единственный выход. И для тебя. И для нас.

– Надеюсь, вы не испортите мне голову? Это мое единственное богатство.

– Не беспокойся. Постараемся не испортить.

– А Гейтлер?

– Он исчез. Мы не можем понять как, но он почувствовал, что мы вышли на них, и исчез.

– Такая гениальная интуиция? – Дронго покачал головой. – Тут скорее другое. Он просто просчитал ваши действия. Сначала осечка с этим поляком, которого вы сняли с рейса. Неожиданный приступ. Он действительно болен диабетом?

– Да. Уже много лет. И говорил об этом Дзевоньскому. Мы действовали правильно...

– А потом вместо Гельвана разговаривал ваш сотрудник.

– Там все было безупречно. Он говорил голосом Гельвана.

– Но сообщил, что попал в аварию и приедет с некоторым опозданием. Мне еще тогда не понравилась ваша версия. Подряд два чрезвычайных происшествия. Гейтлер в это не поверил и правильно сделал. Один сбой может считаться случайностью, но два сбоя – это уже подозрительная закономерность. Потому он и исчез.

– Нам от этого не легче. Все равно нужно его искать.

– И не только его, – задумчиво произнес Дронго.

– Что ты хочешь сказать?

– Если завтра выяснится, что я не причастен к нападению на брюссельский офис, что тогда вы будете делать? Ведь нужно найти причины, объясняющие провал в Брюсселе. Как тогда вы себя поведете? Начнете проверку всех членов вашей комиссии?

– Это невозможно, – сразу отрезал Машков. – В комиссии девять человек. Три генерала, пять полковников и подполковник. Девять высших и старших офицеров наших спецслужб. Никто не возьмет на себя такую ответственность – разрешить допрос этих людей. У каждого ведомства свои секреты, свои тайны. Это невозможно.

– Значит, их нельзя, а меня можно? Сволочи, – добродушно заметил Дронго. – Вот поэтому я и не работаю на государственные службы. Мера цинизма просто зашкаливает.

– Возможно, – согласился Машков, – мы все не ангелы. Но нам нужно понять, что происходит.

– Тогда я тебе скажу, что происходит. Скинем десять процентов на то, что произошла трагическая случайность. Еще десять на высокий профессионализм Гейтлера. На то, что он действительно сумел все просчитать и предупредил о неизбежном провале. Возможно. Но восемьдесят процентов за то, что в вашей комиссии завелся «крот». Восемьдесят, Виктор, и я думаю, что эта моя версия наиболее правильная.

– Только не упоминай об этом завтра, – попросил Машков, – тогда мы не сможем нормально работать. Если завтра все пройдет нормально, я добьюсь, чтобы тебя официально включили в нашу группу. И мы начнем поиски исчезнувшего Гельмута Гейтлера.

– Ты полагаешь, что после завтрашнего допроса я захочу с вами работать?

Машков не ответил. Потом вдруг усмехнулся.

– Чему ты улыбаешься? – поинтересовался Дронго.

– Сегодня утром я спросил Дзевоньского, мог ли генерал Гейтлер просто сбежать? Забрать уже полученные деньги и сбежать. Дзевоньский твердо ответил, что он так не поступит. У него, видите ли, есть своя профессиональная гордость. Вот и ты такой же. У тебя тоже есть профессиональная гордость. Ты захочешь найти Гейтлера и вычислить возможного «крота».

– Подлизываешься?

– Еще как! Может, поедем куда-нибудь ужинать? Моя машина ждет внизу.

– Сначала наговорил кучу гадостей, сделал из меня подонка, предложил пройти тест на верность, а теперь приглашаешь на ужин?

– Я думал, ты поймешь...

– Не хочу понимать. Убирайся отсюда, – Дронго неожиданно улыбнулся, – но не очень быстро. Чтобы я успел переодеться и поехать с тобой. Только учти: если завтра вы перепутаете дозы и сделаете меня идиотом, то всю оставшуюся жизнь я буду сидеть на твоей шее. Специально оговариваю это в моем завещании.

ИСПАНИЯ. МАРБЕЛЬЯ. 5 МАРТА, СУББОТА

Темно-синяя громада седьмой серии «БМВ» затормозила рядом с кафе. Из автомобиля вышли двое. Первый – водитель – был молодым человеком, лет двадцати пяти, одетым в светлые брюки, красный джемпер с характерным крокодильчиком на груди и легкую светлую куртку. В начале марта в Марбелье было около двадцати градусов, но иногда становилось прохладно, температура опускалась до шестнадцати-семнадцати градусов. Второй мужчина был гораздо старше – лет под пятьдесят. Он был одет в светло-серые брюки и черную водолазку. Глядя на него, было трудно определить, каким количеством денег он обладает. Однако внимательный наблюдатель оценил бы его обувь, сшитую на заказ в Милане, брюки из английского «Харродса», водолазку из кашемира и, наконец, часы, стоимость которых превышала

сорок тысяч долларов. Выйдя из машины, этот человек сразу же направился в кафе, где его уже ждали.

Ожидающий сидел за небольшим столиком на веранде, глядя на приближающегося к нему бизнесмена. Об этой встрече они условились заранее. В начале марта в придорожных кафе всемирно известного испанского курорта Марбелья обычно мало посетителей. Кроме одиноко сидевшего за столом Андрея Михайловича, на веранде больше никого не было. А в зале сидели только двое его помощников, но о том, кто они такие, никто не знал. Они обеспечивали страховку этой встречи.

Вновь прибывший прошел к столику на веранде и сел рядом с Андреем Михайловичем, кивнув ему в знак приветствия. Они были знакомы достаточно давно и не видели смысла в официальных рукопожатиях. Из недр кафе к ним поспешил официант.

– Что угодно сеньору?

– «Эспрессо», – ответил новый посетитель. Его водитель остался у машины.

Официант вернулся внутрь заведения. Приехавший мужчина взглянул на сидевшего рядом Андрея Михайловича, перед которым стояла почти пустая кружка пива.

– Что у нас? – спросил он.

– Все нормально, – ответил Андрей Михайлович. – Офис мы уничтожили, свидетелей убрали, документы сожгли. Осталась одна женщина, которая меня видела, сейчас мы ее ищем.

– Это ваши проблемы, – торопливо отмахнулся приехавший, не желая слышать подробностей. – Меня интересует, как продвигается решение нашей задачи.

– Работаем, – отозвался Андрей Михайлович.

– Столько месяцев? – напомнил приехавший. – Вы знаете, сколько денег мы уже потратили?

– Конечно. Но результат будет. У нас появились некоторые проблемы. Как мы и предполагали, группу Дзевоньского спецслужбы смогли вычислить. Эта группа вела себя слишком шумно. Все эти их перелеты, статьи в газетах, многочисленные контакты с ненужными людьми и, наконец, убийство несчастной женщины, которая работала в их офисе. Дзевоньский и его люди были обречены, их рано или поздно должны были взять. План у них был интересный, но авантюрный.

– Вы так спокойно говорите о своей неудаче, словно расписываете мне шахматную партию.

Официант принес чашечку кофе и торопливо удалился. Он уже понял, что эти двое назначили встречу на холодной веранде, чтобы поговорить без свидетелей.

– Нужно быть готовым жертвовать пешками и фигурами, чтобы победить в партии, – добродушно пояснил Андрей Михайлович. – Должен вам сообщить, что Дзевоньский и его группа были лишь первой линией нашей атаки. У нас в запасе – резервный вариант генерала Гейтлера. Он уже выходил со мной на связь, позвонив мне еще первого марта. Гейтлер уверен, что российские спецслужбы начали с ними игру. Отдаю должное его интуиции, он исчез за несколько минут до штурма дачи. И сейчас готовит свой план самостоятельно. Даже я при желании не смогу его найти.

– И мы должны ждать, когда он снова позвонит?

– Я дал ему другой номер телефона, о котором не знал Дзевоньский. А прежние два сменил. Но ждать мы не будем. Нужно признать: мои бывшие коллеги сумели доказать, что не разучились работать...

– Мне не совсем понятно, чему вы радуетесь?

Андрей Михайлович усмехнулся. Он был лет на десять или пятнадцать старше своего собеседника. И терпеливо продолжил:

– С самого начала было понятно, что обеспечить абсолютную секретность операции невозможно. Кто-то где-то как-то может проговориться. А когда задействовано такое количе-

ство людей и большие деньги, возможность осечки возрастает многократно. Поэтому было решено использовать Дзевоньского и его группу в качестве основной ударной силы, на которую будет отвлечено все возможное внимание российских спецслужб.

– То есть вы с самого начала знали, что используете их в качестве подставки?

– Почти. Конечно, если бы удался их авантюрный план, было бы хорошо. А если нет, то они должны были привлечь своими активными действиями внимание комиссии генерала Машкова, которая была создана сразу после того, как Хеккет передал через знакомого эксперта предложение Дзевоньского. С этой минуты наш поляк и вся его группа по существу были под прицелом.

– Я не понимаю ваших рассуждений. Выходит, что вы тратили наши деньги впустую, заранее зная, что у них ничего не выйдет? – разозлился приехавший, отодвигая от себя чашку уже остывшего кофе.

– Мы не исключали такой возможности. Если бы мы не тратили деньги, внимание спецслужб переключилось бы на другие варианты, что могло привести к ненужным для нас последствиям. Поэтому мы так спокойно расстались с группой Дзевоньского. А теперь готовы нанести свой собственный удар.

– «Резервный» вариант генерала Гейтлера?

– Нет. Это вторая линия прикрытия. Он, конечно, гений, но я уже давно не верю в гениев-одиночек. Их время закончилось.

– Тогда объясните подробнее.

– Не буду. Вам нужен результат, и вы его получите. А каким образом – это мое дело. Я не выйду за рамки составленной нами сметы.

– Ясно. Когда?

– Два месяца – предельный срок. Думаю, мы уложимся.

– Хорошо, – приехавший поднялся. – Куда переводить деньги? Как и раньше? В «Сити-банк»?

– Нет. Об этом счете знал Дзевоньский. Я записал для вас счета двух других банков. Эти банки не большие, о таких не пишут в газетах. Французский и швейцарский. – Андрей Михайлович достал из кармана небольшой листок бумаги, сложенный пополам, и протянул своему собеседнику. Тот быстро кивнул, забирая бумагу.

– Что еще?

– Ничего. Ждать.

– Почему об аресте группы Дзевоньского ничего нет в российских газетах? Я думал, что они используют такой шанс. Покушение на президента. Им всем дадут за это ордена и медали.

– Все предельно засекречено. Они знают, что еще не нашли Гейтлера, и поэтому не сообщают о своей успешной операции. Это своего рода игра, в которой обе стороны понимают, почему противник поступает именно таким образом. Самого Дзевоньского и его людей держат за городом в специальном центре бывшего ПГУ. Доступ туда крайне ограничен.

– Откуда вы знаете?

– Я работал в ПГУ, – напомнил Андрей Михайлович, – и ушел оттуда в пятьдесят два года. Вы никогда не спрашивали меня, как я оказался на Западе и почему не остался в Москве, где сейчас снова в фаворе бывшие чекисты и бывшие советские разведчики.

– Вы говорили, что у вас были неприятности, – вспомнил его собеседник. – Мы ведь знакомы с вами с девяносто пятого.

– Верно. Но мои неприятности начались из-за того, что один из руководителей внешней контрразведки ПГУ генерал Калугин оказался не очень порядочным человеком. Некоторые даже считали, что он сдал часть наших агентов. Я знал точно, что это не так. Калугин был слабый и не очень квалифицированный работник. К нам тогда, сразу после августа девяносто первого, прислали Бакатина. Тот пришел на волне революционного энтузиазма и все сразу раз-

валил. За несколько месяцев. А Калугин вознамерился оседлать эту волну, сделать карьеру. Поэтому он стал еще большим демократом, чем все наши доморощенные либералы. И сам не заметил, как подсел на американские гранты, начал получать деньги от разных фондов, выступать на различных международных конференциях, организованных этими фондами. И сдавать своих бывших товарищей. Даже написал книгу, умудрившись таким образом сдать одного из наших агентов. В общем, покатился по наклонной. Руководителем ФСБ он не стал, не та квалификация, а вот предателем его назвать можно. Но когда он начал так себя вести, соответственно стали трясти и его бывших сотрудников. В первую очередь выперли меня. Хорошо, что сохранили пенсию. В девяносто третьем я получал восемь долларов в пересчете с тех рублей. Жена у меня умерла еще в девяностом, дочь стала взрослой. Я тогда женился во второй раз, но дочь не очень охотно приняла мою новую жену. Все это вы хорошо знаете. Когда вы согласились взять меня в вашу службу безопасности, то проверили мою прежнюю жизнь. Мне об этом известно. И вы знали, что я знаю. С девяносто пятого я работаю на вас и на ваших друзей. И благодаря вам живу в Европе уже столько лет.

– Зачем мне все эти подробности?

– Чтобы расставить наконец все точки над «i». Я помню, чем обязан вам и вашим друзьям. И не могу забыть, как меня выгнали мои бывшие товарищи. Поэтому я здесь, а они там. И поэтому я работаю на вас, а не вместе с ними против вас, и сделаю все, чтобы ваш план удался. Вы должны понимать, что они мне гораздо ближе, чем вы и ваши друзья. Но раз так получилось, я буду играть на вашей стороне.

– Всегда?

– Во всяком случае, до конца этой игры. Что будет потом, мы не знаем. И никто не знает.

– О вашей прежней жизни, о которой мне все хорошо известно, поведали. А вот о том, что собираетесь делать, не сказали.

– Конечно, не сказал. Я только хотел вам напомнить, как получилось, что я оказался на вашей стороне. А больше я вам ничего не скажу. Я и так наговорил сегодня слишком много.

– Как мы свяжемся в следующий раз?

– В записке номера двух новых телефонов. Можете звонить в любое время. Но я думаю, что вам не стоит волноваться по пустякам. Мы сделаем все, как нужно.

– Хорошо, – приехавший задумчиво посмотрел на Андрея Михайловича, затем поднялся, так и не притронувшись к своему кофе.

– Одну минуту, – остановил его Андрей Михайлович, поднимаясь следом. – Кто этот парень, ваш водитель? Вы ему доверяете? Я раньше его не видел. Мне кажется нецелесообразным брать с собой на встречу посторонних людей.

– Это не посторонний, – торопливо ответил его собеседник, посмотрев в сторону «БМВ». – Это мой сын от первого брака. Я думаю, что имею право иногда ездить вместе с ним. Он пока студент, учится в Англии. До свидания.

Андрей Михайлович тяжело опустился на стул. Приехавший стремительно прошел к своему автомобилю, сел в машину, и они уехали. Андрей Михайлович посмотрел на нетронутый кофе. Почти сразу появился официант.

– Сеньор уже уехал? – удивился официант. Он не был встревожен. Посетитель, приехавший на такой дорогой машине, как «БМВ» седьмой серии, не станет сбегать из-за чашечки кофе. Может, он просто забыл заплатить?

– Да, – ответил Андрей Михайлович. Он хорошо знал испанский. – Но вы можете не беспокоиться. Я оплачу его кофе.

РОССИЯ. МОСКВА. 5 МАРТА, СУББОТА

Все происходило как обычно. Его посадили в машину и повезли. Ехали долго. Затем пересели в микроавтобус и двигались еще полчаса куда-то на юг. Дронго догадался о направлении движения по тусклому солнцу, которое в этот день появилось на небе. Наконец машина въехала в какой-то большой ангар. Его деликатно вывели из салона, проводили по лестнице на второй этаж.

В просторной комнате уже ждали двое сотрудников Машкова и сам генерал, у которого был виноватый, несколько смущенный вид. Дронго невесело усмехнулся. В конце концов его старый друг абсолютно прав. Французы не зря говорят, что предадут только свои. Машков пробормотал какое-то приветствие. Один из его сотрудников уточнил, нет ли у Дронго аллергии на различного рода лекарства.

– Нет, – ответил он, – мне можно вкалывать любую гадость. Я с детства люблю, когда меня колят.

Первый сотрудник улыбнулся. Второй посмотрел сурово. Потом ему протерли руку спиртом и ввели лекарство. Дронго поморщился и отвернулся. Пока подключали датчики, Машков сел за стол. Дронго огляделся. Стену с правой стороны занимало большое зеркало. Очевидно, за ним находились наблюдатели, следившие за происходящими в комнате допросами. Оба сотрудника, закончив прикреплять аппаратуру, взглянули на генерала и быстро вышли из комнаты. Стало понятно, что они не будут присутствовать при допросе. Видимо, показания датчиков поступят на мониторы в соседнюю комнату, где находятся неизвестные ему люди, которые имеют доступ к подобным допросам.

Машков и Дронго остались одни. Машков посмотрел на своего друга и несколько неуверенно поинтересовался:

– Как ты себя чувствуешь?

– Пока нормально. Слегка кружится голова и неприятное ощущение во рту. Кажется, болят ноги. Или мне только кажется.

– Может, начнем?

– Не нужно так волноваться. В конце концов пытаются меня. И допрашивают тоже меня. Поэтому задавай свои вопросы спокойным, естественным голосом. Тем более что за нами наверняка следят.

– Дурак, – разозлился Машков. Затем бросил какую-то папку на стол перед собой, раздраженно отвернулся и зло пробормотал:

– Можешь встать и убираться отсюда. И вообще уехать из Москвы. Тебя никто не останавливает.

– Ни к чему так патетически, – спокойно отозвался Дронго, – давай начнем. И учти, что на этот раз я буду говорить правду. Поэтому лучше не спрашивай, что я о вас думаю.

– Назови громко три цифры, – попросил Машков, – и мы начнем работать.

– Один, три, семь.

– Хорошо. Сейчас я буду называть цифры, и ты должен все время говорить «Нет». Во всех случаях.

– Один...

– Нет.

– Два...

– Нет.

– Три...

Машков досчитал до десяти. И все десять раз Дронго повторил слово «нет». Генерал удовлетворенно кивнул. Все правильно. Семь верных ответов, три неверных.

– Как ты себя чувствуешь в роли палача? – вдруг поинтересовался Дронго.

– Заткнись, – опять разозлился Машков, – и отвечай на вопросы. – Он сердито оглянулся на это проклятое зеркало, за которым находились двое психологов, следивших за допросом.

– Он намеренно выводит его из себя, – предположил один из них.

– Похоже, – согласился второй, – но Машков опытный специалист.

Сам Машков усилием воли сумел несколько успокоиться и начал задавать вопросы. И первым был такой:

– Ты знал кого-нибудь раньше из группы Дзевоньского?

– Нет.

– Ты звонил в Брюссель?

– Нет.

– Ты знаешь Гельмута Гейтлера?

– Нет.

Собственно, после этих трех ответов допрос можно было прекратить, но он продолжался около двух часов. Задавая в разных вариациях одни и те же вопросы, Машков добросовестно пытался выяснить, что именно мог узнать Дронго о работе Дзевоньского в Москве до того, как приступил к своему расследованию. Дронго трижды просил воды и трижды Машков передавал ему наполненный стакан. На все вопросы Дронго отвечал четко, иногда шутил. У него сильно болела голова, не проходило ощущение подступающей тошноты. И тем не менее он ясно воспринимал все происходящее и так же ясно отвечал на все вопросы.

Закончив допрос, Машков устало откинулся на спинку кресла и неожиданно улыбнулся. Затем схватил бутылку, чтобы налить себе воды, но обнаружил, что она пуста.

– Принесите воды! – крикнул он куда-то в сторону.

– А вот это ошибка, – заметил Дронго, морщась от головной боли. – Я мог бы и не догадаться, что нас слушают. А крикнув, ты невольно выдал этот секрет.

– Иди ты к черту! – добродушно огрызнулся Машков. – Слава Богу, что все закончилось. Теперь ни одна собака не посмеет ничего сказать в твой адрес.

– Позови своих архаровцев, чтобы они сняли с меня ваши чертовы датчики. И еще. Я повесил пиджак в другой комнате. Там у меня есть «спазмалгон». Пусть принесут таблетку. Ужасно болит голова.

– Я сам принесу. – Машков быстро вышел из комнаты. Почти сразу в ней появились двое сотрудников, которые начали деловито отключать Дронго от аппаратуры и сворачивать ее. Машков принес таблетку и бутылку воды. Он налил сразу два стакана – себе и Дронго. В это время вошел еще один сотрудник, который принес какой-то тюбик. Он выдавил из него в стакан с водой некоторое количество буро-зеленого вещества, затем размешал и, протянув напиток Дронго, предложил:

– Выпейте.

– Еще какая-нибудь гадость? – спросил тот.

– Обычное мочегонное средство, – пояснил сотрудник, с любопытством разглядывая эксперта. – Это фитолизин. Хорошее польское лекарство.

Дронго и Машков посмотрели друг на друга и оба улыбнулись.

– Надеюсь, вы не одолжили его у Дзевоньского? – улыбнулся Дронго, выпил лекарство и поднялся. Голова у него все еще кружилась, во рту было такое ощущение, словно он перекусывал электропровода. Или дотронулся языком до батарейки, как однажды сделал это в детстве. Память о том неприятном «опыте» сохранилась на всю жизнь.

– Надеюсь, теперь ты сможешь убедить свое начальство не выгонять меня каждый раз из Москвы? – спросил Дронго. – Хотя, между прочим, я предложил бы проверить таким же образом всех членов вашей комиссии.

– Хватит, – торопливо остановил его Машков. – Мы уже закрыли этот вопрос. Пойдем, я помогу тебе одеться.

Они вышли из комнаты.

– Ничего не закрыли, – тихо возразил Дронго, – нужно найти Гейтлера и понять, почему вас опередили в Брюсселе. Боюсь, работы теперь у вас больше, чем ты думаешь.

– Я знаю, – отозвался генерал, – но теперь мне никто не сможет помешать привлечь тебя к ней. Мы все равно должны вычислить обоих – и Гейтлера, и возможного «крота». Хотя в существование последнего мне очень трудно поверить. Всех, вошедших в мою комиссию, я знаю много лет.

– Ты и меня знаешь много лет, – напомнил Дронго, – но это не помешало тебе привезти меня сюда. Помнишь, как у Оруэлла? «Все животные равны, но некоторые равны более...»

– Иногда с тобой просто невозможно разговаривать, – вздохнул Машков. – Сегодня опять будут допрашивать Дзевоньского и всех его людей. Нам важно понять, куда делся Гейтлер и как его найти.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. ЧИКАГО. 5 МАРТА, СУББОТА

Тетя Ануся стала жительницей Чикаго еще в те годы, когда большинство ее соотечественников об этом не могли и мечтать. Она переехала сюда из Англии в семьдесят девятом, когда Польша была совсем другим государством, для граждан которого выезд на жительство в Соединенные Штаты представлялся весьма проблематичным со всех точек зрения. Но супруг тети Ануси был подданным Великобритании и поэтому достаточно быстро получил сначала вид на жительство, а затем и гражданство этой великой страны.

Олеся родилась как раз в семьдесят девятом и поэтому не могла знать тетю Анусю, которая на самом деле приходилась ей вовсе не теткой, а двоюродной бабушкой. Однако уже в девяносто втором, в возрасте тринадцати лет, Олеся впервые посетила Чикаго и познакомилась с родственницей, о которой в их родном Вроцлаве ходили легенды. Муж тети Ануси был известным архитектором, работавшим в Чикаго. В девяносто восьмом он умер. А Олеся к этому времени исполнилось девятнадцать лет, и она переехала в Париж, надеясь устроить свою жизнь во Франции.

Там ей пришлось трудновато. Никто не ждал молодую красивую девушку в этом городе. А те, кто предлагал ей «помощь» и свои услуги, совсем не нравились Олеся. У них были влажные глаза, потные руки, и их намерения ясно просматривались с самого начала. Из Парижа Олеся довольно быстро переехала в Брюссель, где устроилась на работу в небольшое проектное бюро и пошла учиться. Но еще неизвестно, насколько лучше устроилась бы ее жизнь в Бельгии, если бы неожиданно она не встретила там знакомого их семьи пана Тадеуша Марковского, о котором в той, прошлой жизни, ее бабушка говорил как об очень влиятельном человеке. Марковский и здесь выглядел влиятельным и богатым. Во всяком случае, он тут же взял Олеся в свой офис и оплатил ее обучение.

Ей было двадцать два года, когда она начала работать в его фирме, в которой все называли Тадеуша паном Дзевоньским, но она понемногу к этому привыкла. У Олеся были светлые волосы, голубые глаза и довольно резкие черты немного вытянутого лица, которое наводило на мысль, что среди ее предков встречались не только славяне. Родственники Олеся жили во Вроцлаве, который немцы традиционно называли Бреслау, а в этой части Западной Польши веками перемешивались пруссы, саксонцы, чехи, поляки. Тогда как в Центральной и в Восточной части Польши преобладал другой тип женщин – преимущественно пышногрудые брюнетки со славянскими чертами лица, считавшиеся одними из самых красивых женщин Европы.

Олеся понравилась в Брюсселе. Здесь у нее появилось много знакомых, новые друзья. А главное – Рауль, португальский «мачо», переехавший сюда из Лиссабона. Он был профессио-

нальным футболистом и выступал за одну из местных бельгийских команд. Олеся встречалась с разными парнями, но Рауль стал ее самым близким другом. Все закончилось через два года, когда его клуб решил продать своего португальского полузащитника в Италию. Девушка была безутешна, поскольку Рауль не предложил ей последовать за ним в солнечную южную страну. Его продали, как раньше продавали рабов, даже не очень интересуясь его собственным мнением. Так он и уехал, оставив на память о себе черного фарфорового лиссабонского петушка.

Потом у Олеси появился новый друг, но этого она сама бросила. Парень крепко сидел на наркотиках и собирался приобщить к этому занятию и свою новую подружку. Затем как-то незаметно получилось, что Олеся оказалась подружкой самого пана Дзевоньского. Однажды он пригласил ее на ужин, и она обратила внимание на его стильный костюм. Из ресторана они поехали в отель. Пан Дзевоньский не особенно ей нравился, но для нее это был первый опыт встречи с мужчиной, годящимся ей в отцы. И секс с ним неожиданно открыл Олесе новую радость. В отличие от молодых «петушков», с которыми она имела дело до Дзевоньского, он был сдержан, тактичен, умел доставлять удовольствие женщине, в не меньшей степени думая о ее удовлетворении, чем о собственном. Все ее предыдущие дружки больше думали о себе.

С тех пор они время от времени встречались. Пан Тадеуш был очень занят и лишь изредка – один или два раза в месяц позволял себе такие свидания. Но они неизменно доставляли Олесе удовольствие, поэтому она всегда охотно соглашалась. К тому же он повысил ей зарплату в два раза.

Тадеуш заранее, еще в сентябре прошлого года, предупредил девушку, что ему предстоит длительная командировка. С тех пор они виделись лишь несколько раз, когда он приезжал в Брюссель. Но говорили по телефону почти ежедневно. Олеся докладывала ему как шефу о текущих проблемах, а он решал, что и как следует делать в том или ином случае. Она одна знала номер его телефона, который он постоянно носил с собой. Две недели назад Олеся попросила Дзевоньского отпустить ее в Чикаго навестить тетю Анусю. Богатой родственнице было уже за восемьдесят, она могла умереть в любую минуту. Кроме Олеси у нее были еще два дальних родственника от другой сестры. Эти «двоюродные внучата» жили в Сан-Франциско и почти ежедневно интересовались здоровьем любимой родственницы, понимая, как важно успеть к дележу наследства.

Тетя Ануся жила в престижном центре Чикаго рядом с небоскребом Сирс-Билдинг. Перейдя на другую сторону реки, на набережную Уокер-драйв, можно было выйти к самой ратуше. Роскошную квартиру Ануси купил ее муж, и, по оценкам экспертов, она стоила не меньше двух миллионов долларов. Кроме того, на счету старушки наверняка остались деньги, доставшиеся ей в наследство от мужа. Поэтому Олеся, как умная и деловая молодая женщина, прилетев в Чикаго, добросовестно ухаживала за своей родственницей целых две недели. На первое марта у нее был обратный билет в Брюссель, но старушка неожиданно заболела и попросила ее остаться. Отказываться не имело смысла, к тому же Дзевоньский разрешил ей задержаться. И тогда Олеся поменяла билет на шестое марта.

А третьего марта в Брюсселе на их офис совершили нападение и убили всех находившихся там людей. На следующий день Олесе об этом сообщила сестра одной из погибших. Теперь она не знала, что ей делать и куда возвращаться, а телефон Дзевоньского не отвечал. В мучительных раздумьях прошли два дня.

В субботу утром тетя Ануся отправила ее в аптеку за лекарством. Олеся спустилась вниз и вышла из здания, едва не столкнувшись с незнакомым мужчиной, который в это время обьяснял дежурному швейцару, куда и зачем он собирается подняться.

Швейцар пропустил его в здание получить разрешение у консьержа, сидящего в роскошном холле. Доброжелательный консьерж вежливо выслушал господина Мосина, появившегося в доме в столь ранний час, и тут же связался с госпожой Анусей, чтобы выяснить, может ли она принять гостя, который заявил, что является другом пана Дзевоньского и прилетел из

Европы по его поручению. Тетя Ануся уже долго жила в Америке и потому привыкла проверять все получаемые сообщения. Она тут же перезвонила Олесе и поинтересовалась, знает ли та о каком-то неизвестном ей пане Дзевоньском.

– Конечно, – обрадовалась Олеся, – я жду от него сообщений. А где этот человек?

– Он у нас в холле, – сообщила тетя Ануся, – но ты не волнуйся. Купи лекарство и возвращайся домой. Я разрешу ему подняться к нам, а Беата поможет мне его принять.

Беата работала в доме у тети Ануси уже двадцать пять лет. В отличие от Ануси, у нее была большая семья – четверо детей и девять внуков. Она была моложе своей хозяйки на десять лет и сохранила удивительную ясность ума и энергичность деловой женщины. Беата служила кухаркой и домработницей одновременно. Или ее можно было назвать экономкой, что тоже было бы правильно.

Олеся знала, что на добросовестность Беаты можно положиться, и спокойно вошла в аптеку, думая, что тетя Ануся безусловно будет рада неожиданному гостю. Когда человеку за восемьдесят и он почти не выходит из дома, будешь счастлив любому общению. В квартире вместе с ней верная Беата, внизу появление неизвестного зафиксировали камеры внутреннего наблюдения, его видели охранники, консьерж и швейцар. Именно поэтому тетя Ануся так спокойно разрешила незнакомцу подняться к ним в квартиру на четырнадцатый этаж.

В то время, когда Олеся покупала лекарство, снова зазвонил ее сотовый телефон. Она недоуменно глянула на аппарат и ответила:

– Слушаю вас.

– Это Олеся?

– Да.

– Здравствуйте. С вами говорят по поручению пана Дзевоньского, – сообщил неизвестный ей голос.

«Какой нетерпеливый, – раздраженно подумала Олеся. – Не может немного подождать, когда я вернусь».

– Я знаю, – перебила она позвонившего. – Пожалуйста, подождите меня немного, я скоро буду дома.

– Нет, вы не поняли. Я не могу ждать. Это очень важно, пани Бачиньская. Меня просили передать вам, чтобы вы не оставались у вашей родственницы. Люди, которые убили ваших друзей в Брюсселе, могут попытаться найти вас и в Чикаго.

– Что? Кто это говорит? Откуда вы звоните?

– Неважно. Немедленно уезжайте из Чикаго. И не возвращайтесь к вашей родственнице. Мы попытаемся вас найти.

В этот момент Олеся получала сдачу и на секунду отвлеклась.

– Кто вы такой? – снова переспросила она и в этот момент услышала знакомый голос Дзевоньского:

– Олеся, тебе угрожает опасность. Немедленно уезжай из Чикаго. И не выключай телефон. Мы позвоним тебе через три часа и сообщим, где можно с нами встретиться. Олеся, это очень важно.

Тут она вспомнила, что в квартире тети Ануси уже сидит какой-то мужчина, также представившийся знакомым пана Дзевоньского. Чуть не выронив пакет с лекарствами, Олеся быстро набрала номер телефона квартиры.

– Слушаю вас! – Беата говорила по-английски с чудовищным акцентом, несмотря на десятилетия, проведенные в Америке.

– Это я, – торопливо сообщила Олеся. – Немедленно позвоните в охрану и выведите из квартиры этого незнакомца. Он чужой. Вы слышите, он чужой!

– Ничего не понимаю, – отозвалась Беата. – Какой чужой? О ком ты говоришь? Подожди, кто-то стучит в дверь.

– Не открывайте! – закричала Олеся, но Беата уже положила трубку на столик.

– Господи! – Олеся начала лихорадочно звонить консьержу. И, едва услышав его голос, быстро проговорила: – Мистер Дэвис, это Олеся Бачиньская. Я прошу вас вызвать охрану. Сейчас на четырнадцатый этаж поднялся чужой человек. Я прошу вас срочно вызвать полицию и охрану.

– Ему разрешили подняться, – невозмутимо ответил консьерж.

– Это убийца! – закричала она, и в аптеке от нее шарахнулись все посетители.

– Я вас не понимаю, госпожа Бачиньская, – испугался консьерж. Все, что выходило за рамки его компетенции, вызывало у него легкую панику.

– Звони в полицию, кретин! – крикнула она и, снова отключившись, дрожащими руками набрала телефон полиции: – Нужна ваша помощь. В квартире убийца!

– Назовите ваш адрес, – попросила дежурная.

Олеся назвала адрес, номер дома, квартиры, телефона.

– Только быстрее, – попросила она, – там убийца.

– Вы находитесь не в квартире? – поинтересовалась дежурная.

– Нет.

– Тогда откуда вы знаете, что там происходит? В этом доме есть охрана, консьерж, швейцар. Никто к нам не звонил.

– Быстрее! – Олеся увидела, что одна из провизорш подняла телефонную трубку, очевидно, собираясь позвонить в полицию, чтобы сообщить о неизвестной психопатке, которая все время орет в свой мобильный телефон.

Олеся выбежала из аптеки. На улице она снова достала аппарат, набрала номер квартиры тети Ануси. Телефон долго не отвечал, она уже отчаялась, когда наконец услышала голос своей родственницы:

– Алло. Кто это говорит?

– Это я, Олеся. Ваш гость не тот человек, за кого себя выдает. Вы меня слышите?

– Господин Мосин, это наша Олеся, – сообщила тетя Ануся. До нее элементарно не дошло, что ей только что сказали.

– Выгоните его! – закричала Олеся.

– Как это выгнать? – громко переспросила тетя Ануся. И это были ее последние слова в жизни.

Реакция убийцы оказалась гораздо более быстрой, чем реакция несчастной пожилой женщины. Раздалось два выстрела. Затем крик Беаты и еще один выстрел. Олеся заплакала. Она стояла на тротуаре, прижимая телефон к уху, и громко плакала. И неожиданно услышала в трубке чужой голос:

– Олеся?

– Будь ты проклят! – закричала она ему и быстро отключилась, словно он каким-то неведомым образом мог достать ее через этот аппарат.

Олеся вынула из кармана деньги. Когда она выбегала из дома, то не взяла с собой даже сумочки, в которой остались кредитные карточки, документы, автомобильные права. И теперь, кроме пакета с уже ненужными лекарствами, у нее при себе оказалось лишь тридцать шесть долларов. Она еще раз обшарила карманы. Ничего. Только одна пластинка жвачки. Ах да, еще мобильный телефон. Олеся посмотрела на него и снова заплакала. Она не представляла, что ей теперь делать, куда идти.

РОССИЯ. МОСКВА. 5 МАРТА, СУББОТА

Когда взяли группу Дзевоньского, президенту доложили об этом в тот же день. Директор ФСБ лично приехал, чтобы проинформировать его о реальной угрозе, которую могла пред-

ставлять авантюрная затея Дзевоньского с похищением журналиста Абрамова. Если бы глава государства отправился встречать освобожденного заложника, трагедия была бы неминуема. Террористы рассчитали всю операцию с учетом именно этого фактора. Ни один глава государства не упускал случая появиться рядом с освобожденным заложником, тем более если это был журналист. Так происходило во Франции, Италии, Румынии. Могло случиться и в Москве. Никто не стал бы серьезно осматривать бывшего заложника, проверяя его на наличие пластида. И тогда «живая бомба» могла бы сработать. Задуманный план был интересен еще и тем, что сам Абрамов не подозревал о том, как его раскручивают в средствах массовой информации и как собираются использовать.

– Мы знаем о существовании камикадзе, – доложил президенту директор ФСБ, – но тут, пожалуй, впервые из заложника хотели сделать невольного смертника, устраивая такую террористическую атаку. Теперь мы будем перестраивать нашу работу с учетом и этого фактора. Хотя всегда считали, что среди погибших террористов, которые действовали на территории нашей страны, могли быть люди, одурманенные наркотиками или находящиеся под сильным внушением, наркозом. Но нельзя исключать и таких вариантов.

Президенту было ясно, что его противники могут прибегнуть к любым ухищрениям. Собственно, они этого и не скрывали. Он посмотрел на лежащие перед ним документы. Тот факт, что среди арестованных оказалось несколько поляков, был ему особенно неприятен. Отношения с Польшей ухудшались с каждым годом. И дело было не только в антироссийской риторике польских политиков. Они также охотно разыграли антироссийскую карту во время событий на Украине.

Среди сообщений были и последние донесения о работе совместной комиссии генерала Машкова. Особо отмечалась значительная роль эксперта-аналитика, обычно работающего под кличкой Дронго.

Президент отложил эту бумагу, чтобы позже перечитать ее еще раз. И начал просматривать остальные. Самое сложное, с чем ему пришлось сразу столкнуться, это террористические акты, произошедшие в Москве, когда тут начали взрывать жилые дома. Тогда в многомиллионном городе мог поселиться страх. А он в свою очередь мог породить панику, волнение и как прямое следствие – всплеск ненависти ко всем инородцам. В огромном мегаполисе, где, по самым приблизительным оценкам, проживало полтора миллиона выходцев с Кавказа и еще около миллиона мусульман, такой неконтролируемый выброс ненависти был бы очень опасен. Он мог привести к погромам в самой столице. Но, к счастью, этого удалось избежать.

Президент подумал, что все эти годы он изо всех сил пытался сдержать рост ксенофобских настроений, вызванных войной на юге страны. После каждого крупного террористического акта можно было ожидать вспышки насилия, которая привела бы к абсолютно непредсказуемым последствиям.

За эти годы удалось стабилизировать обстановку на юге, наладить нормальную жизнь во многих регионах. Но теперь его противники собирались снова нарушить эту стабильность. Он хорошо представлял группу людей, которые его ненавидели. Слишком очевидными были их намерения и возможности. У него об этом имелась вся возможная информация. Неслыханно, невероятно разбогатев во времена грабительского капитализма в начале и в середине девяностых годов, они считали, что так и должно продолжаться. Их семьи проживали в других странах, дети учились за рубежом, даже не думая возвращаться на родину. Они скупали на Западе виллы, дворцы, замки, яхты, самолеты, не вкладывая денег в родную страну. Масштаб выведенных ими средств потрясал воображение. Свою страну и собственный народ они откровенно презирали. Президент все это знал. Но с другой стороны, он был связан именно с этими людьми – они в немалой степени способствовали его восхождению, помогая ему в трудные минуты. К тому же многие из них были составной частью той политической системы, которую выстраивал прежний президент.

Об этом следовало помнить. Иначе пришлось бы дожимать еще нескольких олигархов, среди которых были даже близкие друзья и родственники прежнего главы государства. Новый президент не хотел рвать все свои прежние связи столь кардинальным образом. Когда в Москве произошел энергетический сбой, вызванный пожаром на небольшой электростанции, стало отчетливо ясно, что вся система энергоснабжения, выстроенная при прежней власти, требует перестройки. Руководил энергетической отраслью человек, имя которого олицетворяло грабеж населения в девяностых. Мумбайс был умным, грамотным, умелым организатором. Когда-то в Питере он начинал с продажи цветов, а затем вырос до самых крупных должностей в стране, занимая посты вице-премьера и руководителя администрации президента. Во многом именно благодаря его выдающимся организаторским способностям были выиграны выборы прежнего президента в девяносто шестом году. Помог он и новому президенту, когда тот потерял работу в Санкт-Петербурге. Вместе с тем президент знал, что Мумбайс был категорически против его назначения руководителем правительства. Мумбайс привык видеть в нем исполнительного помощника Кобчака и не верил, что он сумеет удержать огромную страну от распада. Просто не видел в нем такого лидера.

Привыкший решать глобальные проблемы, Мумбайс менее всего понимал проблемы обычных рядовых людей. Цинизм в сочетании с выдающимся талантом менеджера и абсолютным пренебрежением к людям сделали из него холодного администратора и совершенно беспринципного политика. Он мог спокойно оправдывать своего друга, получившего невероятный гонорар за издание брошюры. Мог реформировать энергетическую отрасль самой большой страны в мире, не думая об интересах обычных людей, живущих на пенсии и пособия. Эта была ошибка, характерная для его единомышленников, которые мыслили категориями миллионов людей и миллиардов долларов.

Беспримерная авария, произошедшая в Москве, заставила по-новому взглянуть на работу Мумбайса и его группы. Первая же проверка выявила удивительные подробности. Имея оборудование сорокалетней давности, руководство энергетической отрасли умудрялось получать прибыль в размере почти двух миллиардов долларов в год, при этом не вкладывая денег в модернизацию собственного производства и объясняя это отсутствием необходимых средств. А московская энергетическая компания, непосредственно отвечавшая за работу в столице, умудрилась раздать бонусы и премиальные проценты более чем на миллиард рублей.

Когда президенту доложили об этом, он пришел в ярость. Однако президент хорошо представлял себе все последствия отставки Мумбайса и его подчиненных. Мумбайс олицетворял на Западе либеральное направление, неформально возглавляя это крыло. После осуждения Кочуровского его отставка вызвала бы там однозначное осуждение. Но более молчать было тоже невозможно. Пришлось наказать руководителей, предельно жестко обозначив свою позицию.

Президент отчетливо понимал, что обязан сломать государственную машину, созданную под царя, каким был прежний глава государства, и создать новую. Понимал, как осторожно нужно действовать, как невозможно применять только силовые методы. Ему было тяжело. Он не обладал качествами выдающегося вождя, харизматичного лидера или трибуна. Это был исполнительный и дисциплинированный чиновник, изо всех сил пытающийся соответствовать своей высокой должности. Но именно поэтому он обладал способностью к самоанализу и росту. Именно поэтому так упрямо демонтировал прежнюю систему, выстраивая новую страну и новые отношения. В отличие от Мумбайса и других олигархов, он любил эту страну и понимал ее народ. Его приход был ожидаем. Страна и народ устали от перемен. Они хотели стабильности, порядка, справедливости. И новый президент олицетворял в глазах людей гарантию этих чаяний.

Но система сопротивлялась его попыткам все изменить...

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. ЧИКАГО, 5 МАРТА. СУББОТА

Олеся замерла, оглядываясь по сторонам. Нужно было принять какое-то решение. Денег при себе у нее было мало, уехать она никуда не могла. Но с другой стороны, стоять у ратуши и плакать тоже глупо. Убийца может вычислить, в какую именно аптеку она пошла. Подумав об этом, Олеся выбросила пакет с лекарствами и, повернувшись, побежала в другую сторону от дома. Увидела остановившийся автобус, направляющийся в сторону Аквариума Шедда, вскочила в салон и пристроилась на заднем сиденье. Но успокоилась, лишь когда автобус отъехал. Ей казалось, что убийца находится уже рядом.

Она вышла на остановке у музея Естественной истории. Можно купить билет и войти в музей, но у нее не так много денег, лучше их побережь. Она пошла дальше по тротуару, вспоминая, что сегодня даже не завтракала. Но есть совсем не хотелось. Она взглянула на свой телефон. Почему они не звонят? Почему не звонит пан Тадеуш? Он сказал, что перезвонит через три часа. Как еще долго ждать! Может, поехать в полицию? Нет, это не выход. Придется объяснять, почему она ушла из дома и каким образом узнала, что в их квартире убийца. А может, полиция уже арестовала этого киллера, и она напрасно переживает, не находя себе места? Нет, возвращаться нельзя в любом случае. Нужно переждать, пока ей позвонят. И куда ей идти? Может, в кино? Но билеты такие дорогие! Лучше все-таки зайти в музей и переждать там. В музее ее не станут искать.

Она вернулась к зданию музея и обнаружила, что входной билет стоит четырнадцать долларов девяносто центов. В другое время это не было бы для нее большой проблемой. Но сейчас она боялась тратить деньги. Поэтому, отойдя от музея, пошла по направлению к набережной Леди Шор-драйв. Нужно дождаться, когда ей наконец позвонят и объяснят, что происходит. Почему пан Тадеуш ничего не сообщил, когда так неожиданно исчез несколько дней назад, а теперь вдруг позвонил? И откуда он мог заранее узнать о появлении этого убийцы? Или его кто-то предупредил? И кто тогда устроил нападение на их офис в Брюсселе? От этих мыслей у Олеси разболелась голова. К тому же практичная девушка помнила о тете Анусе. Если ее убили, а она в этом уже не сомневалась, то работники полиции наверняка будут искать именно ее.

Остановившись у телефонной будки, она задумалась. Ее могут лишить наследства. А это будет очень обидно, ведь она так рассчитывала на него. Но если Олеся три часа проболтается на улице, то за это время они могут подумать о ней все, что угодно. Даже обвинить ее в преступлении. В конце концов, она не обязана слушаться во всем пана Тадеуша. У него своя жизнь, а у нее – своя. Если она получит приличную долю наследства, то сможет вообще уйти с работы. Тем более что их бывший офис сгорел, а ее шеф куда-то исчез.

Олеся достала свой телефон и набрала номер консьержа.

– Мистер Дэвис, – быстро проговорила она, услышав знакомый голос, – это говорит госпожа Бачиньская. Что у вас происходит?

– У нас ужасная трагедия, – участливо сообщил консьерж. – Убита ваша родственница и тяжело ранена ее экономка. В доме сейчас полно полицейских. Они рядом со мной... Извините...

Кто-то взял у него трубку:

– Говорит лейтенант Саймонс. Госпожа Бачиньская, где вы находитесь? Мы хотели бы поговорить с вами.

– Да, я тоже этого хочу, но боюсь приехать. Этот убийца пришел за мной. Алло, вы меня слышите? Он пришел за мной. Хотел убить меня.

– Мы понимаем. Где вы сейчас находитесь? Мы можем приехать за вами и предоставить вам нашу защиту.

Олеся задумалась. В фильмах она часто видела похожие сцены. Сейчас она сообщит этому лейтенанту, где находится, и он приедет сюда через пятнадцать или двадцать минут. А потом окажется, что приехавший – продажный полицейский, сообщник того самого киллера. И этот продажный полицейский жестоко расправится с ней, в точности как в кино. Олеся вздрогнула.

– Вы можете приехать за мной на своей машине? – переспросила она.

– Конечно.

– Только не один. Иначе я в машину не сяду. Пусть с вами будет полицейский в форме. Вы меня слышите?

– Да, конечно. Я возьму с собой сержанта. Что-нибудь еще?

– Нет, ничего. И я должна буду увидеть ваши документы.

– Я все понимаю, мисс Бачиньская. Ответьте мне только на один вопрос. Откуда вы знали, что появившийся в вашем доме мужчина – убийца? Вы его ждали?

– Нет. Мне о нем сообщили. Мой шеф позвонил мне из Европы и сообщил о возможном появлении убийцы.

– Именно в этот момент? – усомнился лейтенант.

– Да. Вы мне не верите?

– Мы поговорим при встрече. Где вы находитесь?

– На набережной. Недалеко от аквариума. На углу, рядом с телефонными будками.

– Мы сейчас подъедем. Никуда не уходите и не оставайтесь одна. Не отключайте ваш телефон. Я выезжаю немедленно.

– Спасибо, – Олеся убрала аппарат в карман и подумала, что поступила, в общем, правильно. Пусть ее защищает американская полиция. Так надежнее. Но ее душу по-прежнему терзали сомнения. Она любила детективы и смотрела много американских боевиков. По законам жанра лейтенант Саймонс должен оказаться предателем. Господи, какие глупости лезут ей в голову! Если он предатель, значит, она проживет еще несколько минут, после того как сядет в их машину. Нет, даже думать об этом страшно.

В ожидании сотрудников полиции девушка нервно прохаживалась по набережной. Затем, немного подумав, перебежала через дорогу, увертываясь от автомобилей, и спряталась в подъезде одного из домов. Отсюда можно наблюдать за появлением сотрудников полиции. Может, они подъедут к телефонной будке и сразу начнут стрелять, как это обычно показывают в фильмах? И убьют по ошибке другую женщину, решив, что убрали опасного свидетеля. Ну что за ерунда! Ее фотография стоит в гостиной тети Ануси на самом видном месте и наверняка полицейские уже сделали копию.

Куда же пропал Дзевоньский? Интересно, почему он поменял свою фамилию? Олеся подозревала, что их агентство занимается какими-то опасными делами. Иногда в офисе появлялись подозрительные типы, но шеф не вводил ее в курс дела. Она связывала его с нужными людьми по всему миру, приносила газеты, докладывала о всех звонках, о намеченных мероприятиях. Но никогда не лезла в его дела и не спрашивала, куда он так часто отлучается. Это было просто не ее дело. Хотя однажды, когда они отдыхали в небольшом отеле в Шарлеруа, зазвонил его сотовый телефон и кто-то сообщил об убийстве некоего Прейса. Пан Тадеуш громко переспросил:

– Вы уверены, что Прейс мертв? – И, получив утвердительный ответ, весело улыбнулся и подмигнул ей. В этот вечер он выпил чуть больше обычного. А затем продолжил: – Ваш гонорар получите в Амстердаме. Это очень хорошая работа. И самое главное, что все сделано так быстро. Спасибо.

Потом Дзевоньский положил аппарат на столик и обернулся к ней. Олеся увидела его широко раскрытые глаза. Он вдруг осознал, что позволил себе сказать лишнее в ее присутствии. Она не знала, о чем именно он подумал, но заметила, как на его лице напряглись все

мускулы. Очевидно, он размышлял, как ему поступить. Олеся не могла даже представить, что в ту секунду решалась ее судьба. Она жалобно, чуть виновато улыбнулась, глядя на шефа из-под одеяла. И он улыбнулся в ответ. Напряжение спало. Тадеуш рванул ее к себе.

– Ты никогда не слышала этого разговора, – шепотом произнес он. – Ты меня понимаешь?

– Конечно, – Олеся не придавала никакого значения какому-то умершему чеху. О том, что это был чех, она догадалась по его фамилии. Пан Тадеуш в эту ночь был с ней гораздо грубее обычного. На следующее утро они уехали. А позже Олеся прочла в газетах о гибели чешского банкира Йозефа Прейса в автокатастрофе. Сидевший рядом с ним его друг выжил лишь чудом. Но самое интересное, что на фотографии друга она узнала человека, который однажды приходил к ним в офис. Но Олеся никогда никому об этом не сказала. Даже Раулю, даже тетушке Анусе.

Наконец Олеся увидела, что к телефонным будкам подъехал серый автомобиль «Крайслер Неон». В нем сидели двое мужчин. Один из них – темнокожий афро-американец был в форме полицейского. Оба нетерпеливо поглядывали по сторонам. Олеся посмотрела на машину и еще раз оглядела улицу. Все было спокойно. И тогда она решилась: сделала шаг вперед и пошла навстречу приехавшим.

Она еще подходила к машине, когда ее увидели. Полицейский в форме вылез на тротуар и открыл для нее заднюю дверцу. Девушка уселась в салон. Полицейский сел рядом с водителем. Тот обернулся к ней. У него были тонкие правильные черты лица, небольшие усики. И вообще он был больше похож на голливудского актера, чем на грубого офицера полиции.

– Я лейтенант Саймонс, – представился он. – А вы Олеся Бачиньская? Я узнал вас по фотографии.

– Да, – кивнула она. – Что с тетей Анусей?

– Боюсь, что ей уже ничем помочь нельзя. А вот ваша экономка, возможно, и выживет. Преступник выстрелил ей в сердце, но пуля прошла рядом, не задев его. Врачи считают, что у нее есть шансы. Убийца не стал стрелять в нее второй раз. Вы не знаете, кто это был?

– Не знаю.

– Тогда почему вы позвонили и заранее сообщили, что он убийца?

– Мне позвонил пан Тадеуш... Извините, мой шеф из Бельгии. Господин Дзевоньский. Он сказал, что меня, вероятно, попытаются убить и мне не следует возвращаться домой.

– Может, он в Америке, здесь, в Чикаго?

– Нет-нет. Но я не знаю точно.

– И он сообщил вам, что может появиться убийца?

– Да. Поэтому я перезвонила домой. Потом позвонила консьержу. Потом хотела позвонить в полицию. Но было уже поздно...

У Олеси сами собой потекли слезы. Было жалко старушку. Тетя Ануся не заслуживала такой участи.

– Вы приходите родственницей погибшей?

– Да, я внучка ее родной сестры.

– Вы ее единственная наследница? Других родственников у нее не было?

Олеся испугалась. Они могут решить, что она врет и сама подослала убийцу. А если она не единственная наследница, то и не главная подозреваемая.

– Нет. Я не единственная, – торопливо сообщила она. – У нее была еще и старшая сестра. Двое ее детей живут в Сан-Франциско. Вы можете им позвонить.

– Обязательно, – сказал Саймонс, трогая машину с места. – А как перезвонить вашему шефу?

– Не знаю. Он отключил свой телефон. Несколько дней назад на наш офис в Брюсселе напали и убили всех сотрудников. А офис сожгли...

Олеся полагала, что они обо всем знают. Но Саймонс резко нажал на тормоз и посмотрел на своего напарника.

– В Брюсселе напали на ваш офис? – переспросил сержант.

– Да. И всех убили.

– Когда это было?

– Три дня назад. Нет, два. Третьего марта утром. Здесь еще была ночь второго. Да, два дня назад.

– А как вы собираетесь связаться со своим шефом? – вмешался Саймонс.

– Он сам должен мне позвонить. Куда мы едем?

– На место убийства. Вы должны посмотреть, что именно пропало в квартире вашей родственницы.

– Нет, – испугалась Олеся, – нет! Я туда не поеду. Я не хочу... Мне нельзя... Там меня будет ждать этот убийца... Нет, нет...

– Мисс Бачиньская, – устало произнес Саймонс, – кроме нас двоих там будет еще человек пять или шесть детективов. Не считая собственной охраны дома. Вы полагаете, что в Чикаго есть такой сумасшедший, который рискнет напасть в одиночку на целый отряд офицеров полиции? Это при том, что полицейский участок находится рядом, и через пять минут у здания могут собраться еще полсотни наших сотрудников? Как вы думаете, какие шансы у этого киллера остаться в живых, если только он посмеет что-либо предпринять?

– Но я не могу... Я не могу смотреть на мертвых. Я их боюсь.

– Труп там уже нет. Хозяйку квартиры увезли в морг, а ее экономку – в больницу. В доме сейчас только наши офицеры.

– Хорошо, – согласилась она, – хорошо. Я поеду вместе с вами. Только вы стойте около меня и никуда не уходите.

– Обещаю, – улыбнулся Саймонс. – Я буду все время рядом.

Через пятнадцать минут они были у дома. В холле здания дежурили двое полицейских в форме. Это Олеся немного успокоило. Но в квартире, когда она увидела кровавые пятна на диване, где обычно сидела тетя Ануся, ей снова стало страшно. В сопровождении Саймонса Олеся ходила по знакомым комнатам, оглядывая вещи. На первый взгляд, все оставалось на своих местах. В кабинете мужа тети Ануси за картиной находился сейф, о котором она знала. Олеся показала сейф Саймонсу. Тот сразу подозвал какого-то офицера с аппаратурой. Ключей не нашли, но и они не помогли бы – в нем оказался кодовый замок. Однако специалист из полиции справился с ним за десять минут и открыл дверцу сейфа. Там лежали какие-то акции, бумаги, письма, сорок тысяч долларов наличными и драгоценности тети Ануси, которые ей дарил покойный муж. В верхнем отделении хранился желтый конверт, надписанный крупными буквами характерного почерка тети Ануси. Это было ее завещание, копия которого находилась у нотариуса.

Саймонс внимательно прочел завещание и передал его Олеся.

– Мне кажется, вам будет интересно с ним ознакомиться, – сообщил он.

В завещании тети Ануси говорилось, что имеющиеся у нее акции трех разных компаний она делит поровну между детьми ее старшей сестры. Олеся расстроилась, о ней здесь не было сказано ни слова. Общая сумма наследства на каждого ее троюродного брата в Сан-Франциско составляла около трехсот пятидесяти тысяч долларов. Далее сообщалось, что загородный дом тети Ануси переходит к ее верной экономке Беате, а в случае ее преждевременной смерти – к ее детям. Это тоже было очень обидно. Олеся читала, закусив губу. В конце концов тетя могла бы вспомнить и о ней.

В завещании были упомянуты личный врач старушки, ее массажистка, парикмахер, нотариус. Каждому предназначалась определенная сумма в деньгах или в акциях. Олеся уже сми-

рилась с тем, что никогда не прочтет своего имени. Наверное, старушка просто не любила ее, скрывая неприязнь под маской ласки и учтивости. Оставался последний абзац. И вдруг...

Свою квартиру в этом доме со всем имуществом, находящимся в ней, тетя Ануся завещала ей. Невероятно, но именно так. В абзаце четко написано, что квартира переходит по наследству к Олесе Бачиньской. Квартира стоила больше двух миллионов долларов, и поэтому предусмотрительная старушка оставила большую часть своих денег в банке для выплаты налогов на наследство, с тем, чтобы квартира перешла к Олесе без каких-либо дополнительных проблем.

Олеся опустила письмо и растерянно огляделась. В этой квартире были чудесные картины, различные скульптуры, антикварная мебель, собранная мужем хозяйки. Все это тянуло еще на один миллион долларов. Получалось, что она в один момент стала миллионершей. Олеся хотела улыбнуться, но не смогла, ее вдруг стала бить крупная дрожь. Она снова заплакала.

– Не стоит так нервничать, – посоветовал Саймонс, забирая у нее завещание. Он внимательно следил за ней и видел ее естественную реакцию. Если эта молодая особа сама организовала убийство богатой родственницы, то играла она гениально.

– Мы должны будем проверить по вашему телефону все входящие звонки, – пояснил Саймонс, – чтобы гарантировать ваше алиби.

– Хорошо, – она все еще не могла прийти в себя. Выходит, что этот киллер сделал ее в течение нескольких секунд миллионершей?

И в этот момент зазвонил ее телефон. Сразу несколько полицейских обернулись к ней. Олеся достала аппарат и посмотрела на Саймонса. Тот кивнул в знак согласия. Кто-то из офицеров подбежал и подсоединил ее аппарат к небольшому диктофону. Она ответила.

– Слушаю.

– Это я, – услышала она знакомый голос пана Тадеуша. – Где ты находишься? С тобой хотят встретиться. Ты успела уехать из Чикаго?

– Нет... да... нет... – она опять взглянула на Саймонса, и тот укоризненно покачал головой.

– Я в Чикаго! – вдруг закричала Олеся. Сказались все переживания этого дня. Она уже не отдавала себе отчета, что именно говорит. – Здесь убили тетю Анусю. И застрелили ее экономку. Я вернулась домой, но не знаю, что мне делать...

– Уходи оттуда, – успел сказать ее шеф, и в этот момент Саймонс выхватил у нее аппарат.

– Господин Дзевоньский? Где вы находитесь? Говорит лейтенант полиции Саймонс. Мне нужно с вами поговорить...

Телефон отключился почти сразу. Саймонс недоуменно посмотрел на аппарат. Может, Дзевоньский сам организовал это нападение. Но зачем тогда он в последний момент предупредил о киллере? И как он мог об этом узнать? Нужно будет найти его и задать ему эти вопросы.

– Проверьте, откуда звонили, – приказал лейтенант и, строго глядя на Олесю, поинтересовался: – Какие у вас отношения с шефом?

– Хорошие, – она чуть покраснела, что не укрылось от пронизательных глаз офицера. Возможно, таким образом этот неизвестный шеф хотел поправить свои дела? Убрать старушку, оформить наследство на свою молодую сотрудницу и затем попробовать отнять эти деньги у нее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.